

И.Г. Смирнова, М.И. Казарина, Г.А. Гуджабидзе

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

Дается оценка основных тенденций развития современной уголовно-процессуальной политики через призму ее соответствия провозглашенному в ст. 2 Конституции РФ приоритету прав и свобод личности и закреплению их в качестве высшей ценности. Авторы останавливаются на особенностях развития уголовно-процессуального регулирования таких вопросов, как недопустимость поворота к худшему, а также на изменениях законодательства в части реформирования действующей судебной системы, а именно – судов общей юрисдикции и инстанционного характера их деятельности. В результате проведенного исследования формулируются выводы о том, что как в первоначальной редакции УПК РФ, так и в ныне действующей прослеживается формальное соответствие процессуальной формы Конституции РФ. Однако приоритет публичного начала и публичного интереса не позволяет в должной мере обеспечить фактическое соблюдение прав личности в сфере уголовного преследования.

Ключевые слова: Конституция РФ, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, права личности, публичность.

Конституция РФ была принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием. Двадцатипятилетний юбилей ее действия обуславливает необходимость анализа сложившихся подходов к реализации отдельных конституционных предписаний, регламентирующих права и свободы личности. В рамках борьбы с преступностью именно данный ракурс исследования представляется крайне актуальным и значимым, поскольку в сфере уголовного судопроизводства наиболее остро стоит вопрос о возможности достижения баланса частных и публичных интересов и выборе соответствующего инструментария для этого [1, 2].

Итак, ст. 2 Конституции РФ закрепляет приоритет прав и свобод личности, их признание в качестве высшей ценности в государстве, что предопределяет и основной вектор реализации современной уголовно-процессуальной политики. В частности, имеет место полное соответствие ст. 6 УПК РФ конституционным положениям, направленным на защиту прав личности; получило свое закрепление и развитие судебное санкционирование; развивается судебный контроль; реформируется судебная система со ссылкой на необходимость обеспечения реального доступа к правосудию и т.п.

Вместе с тем возникает резонный вопрос: насколько перечисленные и иные объективно существующие тенденции в сфере уголовно-процессуального регулирования и правоприменения действительно направлены на защиту частного интереса?

Во-первых, хотелось бы еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что до сих пор ст. 6 УПК РФ является ценностным оценочным суждением [3, с. 41–42], но не оценкой-констатацией, а оценкой-предпочтением, которая связана с выбором должного и желаемого, с фиксацией не того, что уже сложилось и существует, а того, в чем нуждается общество [4, с. 127].

Более того, наличие такой нормы в УПК РФ является ярким проявлением рефлексивного варианта развития уголовно-процессуального законодательства, который характеризуется спонтанным реагированием на сложившуюся ситуацию [5, с. 59]. И такое положение проявляется не только применительно к ст. 6 УПК РФ,

но и в иных случаях. Например, явно конъюнктурный характер носят перечень оснований для возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ), который периодически подвергается корректировке, круг лиц, наделенных свидетельским иммунитетом (ч. 3 ст. 56 УПК РФ) и т.п.

Во-вторых, заложенное сущностное противоречие в содержании ст. 6 УПК РФ в части защиты и обеспечения прав ключевых участников уголовного судопроизводства, чьи интересы преимущественно вступают в конфликт друг с другом, закономерно приводит к балансированию как самого законодателя, так и Конституционного Суда РФ между ними, что влечет перманентное изменение уголовно-процессуального закона, признание отдельных норм УПК РФ не соответствующими Конституции РФ. Это привело к кардинальному изменению парадигмы уголовного судопроизводства, проявлению ретроградных тенденций в его развитии.

Данный тезис в полной мере может быть проиллюстрирован на примере принципа недопустимости поворота к худшему. Как известно, в первоначальной редакции УПК РФ этот принцип носил неопровержимый характер. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ в целях защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, действовал запрет возвращения уголовного дела с судебных стадий процесса в досудебное производство для устранения неполноты проведенного расследования; исключительно предъявленным обвинением очерчивались пределы прав суда первой инстанции при осуществлении правосудия; действовал запрет на пересмотр приговора, вступившего в законную силу, в сторону ухудшения положения лица; возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств рассматривалось как инструмент восстановления справедливости всякий раз, как появляются обстоятельства, устраняющие преступность и наказуемость деяния.

Вместе с тем более чем пятнадцатилетний период реализации обновляемого уголовно-процессуального законодательства привел к концептуальному пересмотру позиции законодателя.

Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда», устранен запрет возвращения уголовного дела с судебных стадий процесса в досудебное производство: «Возвращение уголовного дела прокурору в случае нарушения требований данного Кодекса при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления может иметь место по ходатайству стороны или инициативе самого суда, если это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, при подтверждении сделанного в судебном заседании заявления обвиняемого или потерпевшего, а также их представителей о допущенных на досудебных стадиях нарушениях, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства» [6].

Конечно, предложенный уголовно-процессуальный механизм не является традиционным возвращением уголовного дела для производства дополнительного расследования, однако содержит отказ на ранее существовавший состязательный сущностный элемент в уголовном судопроизводстве, который предусматривал роль суда как арбитра в споре сторон. Победа публичного начала уголовного судопроизводства в виде такого решения является несомненной.

Не менее значимо и решение Конституционного Суда РФ, которым ст. 405 УПК РФ была признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она не допускала поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, что, по мнению Конституционного Суда РФ, не позволяло устранить допущенные в предшествующем разбирательстве нарушения [7]. Если ранее возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств рассматривалось как инструмент восстановления справедливости всякий раз, как появятся обстоятельства, устраняющие преступность и наказуемость деяния, то решением Конституционного Суда РФ пересмотр дела в порядке надзора по обстоятельствам, ухудшающим положение подсудимого, был явно переоценен в пользу публичного интереса.

Внимательное изучение перечисленных актов Конституционного Суда РФ позволяет с уверенностью утверждать, что правовые позиции Конституционного Суда РФ сформулированы в соответствии со ст. 2 Конституции РФ. Так, одновременно в постановлении присутствуют тезисы о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Аналогичным образом право каждого на судебную защиту рассматривается через призму ст. 2 Конституции РФ: «По смыслу статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17, 19, 118 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции РФ право каждого на судебную защиту предполагает обеспечение всем субъектам права свободного и равного доступа к правосудию, осуществ-

ляемому независимым и беспристрастным судом на основе состязательности и равноправия сторон...» [6, 8].

Не менее интересные тенденции прослеживаются и в части реформирования органов судебной власти по пути обеспечения, с одной стороны, единообразия в принципах формирования судов на территории Российской Федерации, а с другой стороны, для реального доступа граждан к правосудию. Как справедливо утверждает В.В. Ершов, система органов государственной власти должна поддерживаться в состоянии подвижного равновесия, саморегулирования [9, с. 49]. Поэтому в свете очередного витка судебной реформы повышенный интерес к суду представляется вполне обоснованным и закономерным [10–13].

Так, к осени 2019 г. должно быть завершено создание отдельных апелляционных и кассационных судов, расширяющих свою юрисдикцию одновременно на несколько субъектов РФ. Идеями, послужившими стимулами к изменению сложившейся инстанционной системы судов РФ, стали: максимальное обеспечение независимости и самостоятельности судов при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений, деятельность которых не будет осуществляться в том же субъекте Российской Федерации и тем более в том же суде; оптимизация в распределении нагрузки при осуществлении правосудия по первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциям.

Однако рядом ученых высказываются гипотезы относительно появления проблем, связанных с соблюдением прав и свобод граждан при реализации реформы. Так, развивающим положением признания человека, его прав и свобод высшей ценностью является, в соответствии с Конституцией РФ, обязанность государства обеспечить доступ к правосудию. Конституционный Суд РФ отмечал, что доступ к суду следует понимать в том смысле, что заинтересованное лицо должно иметь возможность добиться рассмотрения своего дела в суде, и ему не должны помешать чрезмерные правовые или практические препятствия [14]. Следует согласиться с позицией А.А. Рукавишниковой, предполагающей, что в условиях экстерриториальности апелляционных судов проблематично гарантировать непосредственное исследование доказательств (вызов и допрос свидетелей, экспертов, специалистов и т.д.) [15, с. 105].

Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения могут быть достижимы только при наличии независимости судей [16, 17]. Именно такая цель преследуется проводимой реформой, тем не менее результаты проведенного К.Д. Титаевым исследования арбитражных судов (которые имеют схожую с предлагаемой реформой систему судов) показали, что «сорасположение в одном регионе суда апелляционной, кассационной и первой инстанций каким-либо значимым образом не влияет на поведение этих судов», однако «меняются технические приемы отстаивания своих интересов – стороны реже приезжают на заседание в апелляцию, когда она географически удалена» [18, с. 12].

Таким образом, на сегодняшний день приоритет публичного начала, формирующий уголовно-процес-

суальную политику, не позволяет в должной мере нивелировать декларативный характер провозглашенного приоритета прав личности в сфере уголовного преследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 135 с.
2. Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник Тверского государственного университета. Право. 2013. № 35. С. 92–99.
3. Манджян К.Х. Введение в социальную философию : учеб. пособие. М. : Высш. шк. : КД Университет, 1997. 448 с.
4. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2012. 517 с.
5. Клейменов М.П., Проников А.В. Понятие и цели уголовно-правовой политики // Российская юстиция. 2006. № 12. С. 58–59.
6. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 6.
7. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.
8. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 77–81.
9. Еришов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. 625 с.
10. Кириллова Н.П., Смирнова И.Г. Основные скрипты современной уголовно-процессуальной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 116–127.
11. Смолькова И.В., Вилкова Т.Ю., Мазюк Р.В., Насонов С.А., Ничипоренко А.А. Перспективы совершенствования механизма судебной защиты в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 387–395.
12. Смолькова И.В. Соотношение частных и публичных начал в уголовном процессе – методологическая основа определения оснований и пределов вмешательства правоохранительных органов и суда в охраняемые законом тайны // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия : материалы науч.-практ. конф. (13–17 мая 1998 г.). Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. С. 77–79.
13. Смолькова И.В. Гласность – важнейшее условие судебного разбирательства // Итоги и перспективы развития судебной реформы в Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Вост.-Сиб. ФГБОУВПО «РАП», 2012. С. 9–13.
14. По жалобам граждан Евдокимова Дениса Викторовича, Мирошникова Максима Эдуардовича и Резанова Артема Сергеевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 89 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 272-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 6.
15. Рукавишников А.А. Возможные перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений в уголовном процессе при реализации проекта Федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 103–107.
16. Буфетова М.Ш., Катрухина Т.Н. Проблемы защиты прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 53–57.
17. Принципы современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М. : Юрлитинформ, 2015. 384 с.
18. Тумаев К.Д. Суды разных инстанций в одном городе: есть ли взаимное влияние? : препринт. СПб. : ИПП при Европейском университете в СПб, 2018. 20 с.

Constitutional Principles of the Modern Criminal Procedure Policy: Interim Results

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, 13, 89–93. DOI: 10.17223/23088451/13/17

Irina G. Smirnova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: smirnova-ig@mail.ru

Marina I. Kazarina, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: kazarinami@yandex.ru

Georgiy A. Gudzhabidze, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: gg@gio.ru

Keywords: Constitution of the Russian Federation, criminal proceedings, criminal procedure policy, rights of person, publicity.

The aim of the study is to assess the main trends in the development of the modern criminal procedure policy through the prism of its compliance with the priority of individual rights and freedoms proclaimed in Article 2 of the Constitution of the Russian Federation and securing them as the highest value. This article enshrines the priority of individual rights and freedoms, their recognition as the highest value in the state, which, it would seem, predetermines the main vector of the implementation of the modern criminal procedure policy. At the same time, a reasonable question arises: what is the extent to which the listed and other objectively existing tendencies in the sphere of criminal procedure regulation and enforcement are really aimed at when protecting private interest? The study of acts of the Constitutional Court of the Russian Federation reflecting the vector of the criminal procedure policy showed that its legal positions are formulated in accordance with Article 2 of the Constitution of the Russian Federation: they contain provisions that rights and freedoms are the highest value, indicate the right of everyone to judicial protection and ensuring of a free and equal access to justice. However, these same acts of the Constitutional Court of the Russian Federation revalue the balance of private and public principles in favor of public ones. Thus, it is now possible to return the criminal case to the prosecutor in case of violation of the requirements of the Code of

Criminal Procedure of the Russian Federation both at the request of the party and at the initiative of the court itself, which, in fact, is a waiver of the pre-existing adversary essential element in criminal proceedings, which provided for the court as an independent arbitrator in a dispute between the parties. Another decision of the Constitutional Court of the Russian Federation made it possible to review the case by way of supervision in circumstances aggravating the position of the defendant, which clearly indicates a shift in the vector of the criminal procedure policy towards public interest. The initiated reform of the judiciary to ensure uniformity in the principles of the formation of courts on the territory of the Russian Federation, proclaiming its goal of ensuring citizens' access to justice, raises concerns among a number of scholars for the reform can create obstacles to the possibility of hearing one's case in court, and the planned extraterritoriality of appellate courts is unlikely to guarantee direct examination of evidence. In other words, scholars hypothesize the emergence of problems related to the observance of the rights and freedoms of citizens. As a result, the authors conclude that both in the original and current editions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation a formal compliance of the procedural form with the Constitution of the Russian Federation can be traced. The modern criminal procedure policy has changed its course towards the protection of public interest, thereby not allowing to adequately ensure the actual protection of the proclaimed priority of individual rights in the field of criminal prosecution.

References

1. Andreeva, O.I. (2004) *Sootnoshenie prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v pravovom gosudarstve i spetsifika ego proyavleniya v sfere ugovnogo sudoproizvodstva (teoreticheskiy aspekt)* [The ratio of the rights and obligations of the state and the individual in a legal state and the specificity of its manifestation in the field of criminal proceedings (theoretical aspect)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zaytsev, O.A. (2013) Criminal procedure policy of the Russian Federation: the content and guidelines. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of TvSU. Series: Law.* 35. pp. 92–99. (In Russian).
3. Mandzhyan, K.Kh. (1997) *Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu* [Introduction to social philosophy]. Moscow: Vyssh. shk.: KD Universitet.
4. Smirnova, I.G. (2012) *Sotsial'naya tsennost' rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva* [The social value of the Russian criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Tomsk.
5. Kleymenov, M.P. & Pronnikov, A.V. (2006) Ponyatie i tseli ugovno-pravovoy politiki [The concept and objectives of the criminal law policy]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia.* 12. pp. 58–59.
6. Constitutional Court of the Russian Federation. (2013) Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy chasti pervoy stat'i 237 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.07.2013 № 16-P [On the verification of the constitutionality of the provisions of Part 1 of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of 02 July 2013]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF.* 6.
7. Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) Po delu o provere konstitutsionnosti stat'i 405 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda, zhalobami Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii, proizvodstvenno-tekhnicheskogo kooperativa "Sodeystvie", obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Kareliya" i ryada grazhdan: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11 maya 2005 g. № 5-P [On the verification of the constitutionality of Article 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Kurgan Regional Court, complaints of the Ombudsman in the Russian Federation, the production and technical cooperative "Sodeystvie", the limited liability company "Karelia" and a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of 11 May 2005]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF.* 4.
8. Zaytsev, O.A. (2006) Conception of State Defense of Criminal Legal Procedure Participants in the Russian Federation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University.* 3 (53). pp. 77–81. (In Russian).
9. Ershov, V.V. (2018) *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: Russian State University of Justice.
10. Kirillova, N.P. & Smirnova, I.G. (2018) Key scripts of contemporary criminal procedure policy. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology.* 12 (1). pp. 116–127. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).116-127
11. Smol'kova, I.V. et al. (2018) Prospects of improving the mechanism of judicial protection in Russian criminal proceedings: Issues of theory and practice. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – Russian Journal of Criminology.* 12 (3). pp. 387–395. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).387-395
12. Smol'kova, I.V. (1998) [The correlation of private and public principles in the criminal procedure as the methodological basis for determining the grounds and limits for law enforcement agencies and the court to protect secrets protected by law]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye problemy Vostochno-Sibirskogo regiona na poroge tret'ego tysyacheletiya* [Socio-economic and legal problems of the East Siberian region at the threshold of the third millennium]. Proceedings of the Conference. 13–17 May 1998. Irkutsk: Izd-vo IGEA. pp. 77–79. (In Russian).
13. Smol'kova, I.V. (2012) [Glasnost as the most important condition of the court proceedings]. *Itogi i perspektivy razvitiya sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii* [Results and prospects for the development of judicial reform in the Russian Federation]. Proceedings of the All-Russian Conference. Irkutsk: Vost.-Sib. FGBOUVPO "RAP". pp. 9–13. (In Russian).
14. Constitutional Court of the Russian Federation. (2006) Po zhalobam grazhdan Evdokimova Denisa Viktorovicha, Miroshnikova Maksima Eduardovicha i Rezanova Artema Sergeevich na narushenie ikh konstitutsionnykh prav polozheniyami stat'i 333.36 Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i stat'i 89 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.06.2006 № 272-O [On the complaints of citizens Denis Evdokimov, Maxim Miroshnikov and Artem Rezanov about the violation of their constitutional rights by the provisions of Article 333.36 of the Tax Code of the Russian Federation and Article 89 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 272-O of 13 June 2006]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF.* 6.
15. Rukavishnikova, A.A. (2018) Possible prospects of the development of the system of appeal and verification of court decisions in the criminal procedure under the implementation of the draft federal constitutional law "On Amendments to the Federal

- Constitutional Laws in Connection with the Creation of Cassation Courts of General Jurisdiction and Appellate Courts of General Jurisdiction". *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 103–107. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/11/20
16. Bufetova, M.Sh. & Katrukina, T.N. (2014) [Problems of protecting the rights and legitimate interests of the victim in the criminal trial]. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti ugolvnogo sudoproizvodstva* [Criminal procedure and forensic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. pp. 53–57. (In Russian).
  17. Mazyuk, R.V. (ed.) (2015) *Printsipy sovremennogo rossiyskogo ugolvnogo sudoproizvodstva* [Principles of modern Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
  18. Titaev, K.D. (2018) *Sudy raznykh instantsiy v odnom gorode: est' li vzaimnoe vliyaniye?: preprint* [Courts of different instances in the same city: is there a mutual influence?: preprint]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.